

ЕЩЕ РАЗ О ЗОРОАСТРИЗМЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ

(о статье Г.М. Курбанова «О зороастризме в Кавказской Албании», опубликованной в журнале «Народы Дагестана». 2005. № 6. С. 53–56)

В конце марта 2005 г. вышел из печати сборник статей «Древности Кавказа и Ближнего Востока» (Древности Кавказа..., 2005а), посвященный памяти видного дагестанского археолога-кавказоведа, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РФ и РД, профессора Магомеда Гаджиевича Гаджиева (1935–2003). Сборник был составлен и подготовлен к изданию в отделе археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН). В нем опубликованы статьи как сотрудников указанного отдела – докторов исторических наук О.М. Давудова, М.С. Гаджиева, кандидатов исторических наук Л.Б. Гмыри, Р.Г. Магомедова и других, так и сотрудников института археологии РАН – члена-корреспондента РАН, бывшего директора этого же Института, советника президента РАН, лауреата Государственной премии РФ, доктора исторических наук, проф. Р.М. Мунчаева, члена-корреспондента РАН, заведующего отделом Института археологии РАН, доктора исторических наук, проф. Х.А. Амирханова и других, а также академика РАН, академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директора Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН А.П. Деревянко; зарубежных авторов – проф. Уэлсли-колледжа (Массачусетс, США) Ф. Кола и проф. университета Беркли (Калифорния, США) Д. Стронака.

В сборнике опубликована и моя статья «О зороастризме в средневековом Дагестане» (Маммаев М.М., 2005а. С. 209–226), в которой на основе данных средневековых восточных письменных источников и с привлечением этнографических материалов по пережиткам доисламских верований и обрядов у кубачинцев освещаются вопросы, касающиеся проникновения зороастризма в Дагестан и степени его распространения, а также местных специфических особенностей ритуалов этой религии. При освещении этих вопросов я критикую отдельные положения и выводы работ доктора философских наук, ныне руководителя РГВК «Дагестан», члена редакционно-издательского совета республиканского общественно-политического журнала «Народы Дагестана» Гаруна Магомедовича Курбанова (Курбанов Г.М., 1995; Он же, 1998; Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001) и его отца, кандидата философских наук, ныне главного редактора названного журнала Магомеда Рамазановича Курбанова (Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001). Критика касается интерпретации ими произведений средневекового искусства Дагестана, в основном моего родного с. Кубачи, архитектурных памятников, а также доисламских, языческих погребальных сооружений, исследованных в разные годы археологами на территории Дагестана. В статье я отмечаю, что М. и Г. Курбановы при написании своих трудов пользовались моими работами, но ссылок на эти работы они не делают.

В середине февраля 2006 г. вышел из печати шестой номер журнала «Народы Дагестана» за 2005 г., в котором опубликована статья Г.М. Курбанова «О зороастризме в Кавказской Албании» (Курбанов Г.М., 2005. С. 53–56). Хотя под статьей стоит фамилия лишь одного автора, считаю, что она является плодом усилий и стараний двух авторов – Г.М. Курбанова и М.Р. Курбанова.

Первое, что обращает на себя внимание, так это поучительный тон ее автора, стремление продемонстрировать свое непременное превосходство над М.М. Маммаевым, показать свою эрудицию и широкий научный кругозор. Но попытки эти не дости-

гают цели своими некомпетентными, дилетантскими рассуждениями по вопросам языческих верований народов Дагестана, произведений средневекового искусства, интерпретации им материалов археологических раскопок и по многим другим аспектам. А методы, к которым прибегает Г. Курбанов для того, чтобы опорочить, оболгать и оклеветать, заодно и проучить М.М. Мамаева, – самые что ни есть низкие и грязные, недостойные ученого. Какой терминологией пользуется Г. Курбанов! Вместо понятия «исследователь» пишет «искатель» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 1*– преамбула статьи), вместо слова «ссылается» пишет «кивает» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 53*). Меня обзывает «недалеким «специалистом»» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 53*), «незадачливым оппонентом» (Там же. С. 55), пишет «о закостенелой логике мышления оппонента» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 55*) и т.д. и т.п.

Богатый лексикон! Но сколько нескрываемой злобы сквозит в этой статье!

Если я необоснованно критикую его работы и работы его отца, или выискиваю в них недостатки, или же предвзято подхожу к их оценке, то у него была возможность пункт за пунктом разобрать все мои замечания, обосновать свою правоту, отстаивать свои взгляды, приводя для этого аргументы и доказательства. Но этого у него нет. А есть злопыхательские выпады в мой адрес и переизложение ранее опубликованных положений и выводов своих работ. При этом он преднамеренно скрывает, в какой статье я критикую его работы, где она опубликована, чтобы заинтересованный читатель не прочитал ее.

Разбирать все пункты низких выпадов, голословных измышлений и обвинений Г. Курбанова в мой адрес нет возможности, да и необходимости. Читатель, сведущий в рассматриваемых в статье вопросах, сам сможет разобраться в его инсинуациях.

В самом начале своей статьи «О зороастризме в Кавказской Албании» Г. Курбанов заявляет, что попытки М. Мамаева (мою фамилию он пишет с одним «м» в середине, т.е. с ошибкой) «показать себя религиоведом выглядит комично. Хотя, что тут комичного, когда искусствовед руководит археологами, он может возомнить себя основоположником и кибернетики. Для этого всего-то надо быть словесным эквилибристом и переписать написанную кем-то газетную статью. Собственные умозаключения подобного рода исследователям противопоказаны» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 53*). Здесь Г. Курбанов пускает в ход заведомую беспардонную ложь! А если уж говорить о «словесной эквилибристике», разве приведенная цитата из его статьи не является наглядным образцом такой «эквилибристики»? А не комично ли то, что Г. Курбанов в своих работах, в том числе и в статье «О зороастризме в Кавказской Албании», выступает с амбициозными притязаниями быть и археологом, и историком, и искусствоведом, и философом, и религиоведом, при этом превратно освещая многие вопросы, касающиеся археологии, произведений декоративно-прикладного искусства, памятников архитектуры, истории искусства, религии и т.д.?

Г. Курбанов не скрывает своего возмущения и открытой злобы тем, что я посмел написать статью о зороастризме в средневековом Дагестане, и тем самым вторгся в сферу его научных интересов. Он, очевидно, полагает, что тема зороастризма – эта исключительно его монополия, и никто, кроме него, не может и не имеет права не только разрабатывать ее, но и даже затрагивать.

Г. Курбанов иронизирует по поводу того, что «искусствовед руководит археологами». Опять же злобствуя по поводу моей критики его работ, он забывает, что сам он – по образованию медик, занимается изучением зороастризма и руководит РГВК «Дагестан». Он полагает, очевидно, что между археологией и искусствоведением существует непреодолимая пропасть, что эти науки очень далеки друг от друга и между ними нет ничего общего. Поэтому есть необходимость дать некоторые разъяснения, тем более что они будут бесполезны для Г. Курбанова.

Свою кандидатскую диссертацию я защитил в 1971 г. по специальности «Археология» в Институте археологии АН СССР в Москве. Мне присудили ученую степень кандидата исторических наук. Мои предшественники В.Г. Котович (1925–1979) и М.Г. Гаджиев (1935–2003) стали руководителями отдела археологии Института ИАЭ ДНЦ РАН, будучи кандидатами исторических наук. Докторскую диссертацию я защитил в 1992 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по специальности «История искусства». По номенклатуре научных специальностей история искусства – это историческая дисциплина. По этой специальности присуждаются ученые степени как исторических наук, так и искусствоведения. Мне присудили ученую степень доктора искусствоведения. А заведовать отделом археологии Института ИАЭ ДНЦ РАН я стал в сентябре 2003 г. после кончины бывшего заведующего проф. М.Г. Гаджиева. Был официально объявлен конкурс на замещение вакантной должности заведующего отделом археологии. Были проведены, как принято в таких случаях, выборы на альтернативной основе как в отделе археологии, так и на ученом совете института (членами которого являются доктора наук, профессора-историки, археологи, этнографы, философы, социологи). Путем тайного голосования меня избрали заведующим отделом археологии.

Моя докторская диссертация «Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление» написана в основном на археологических материалах. Официальными оппонентами при защите диссертации были два сотрудника Института археологии РАН – доктор искусствоведения Г.К. Вагнер и доктор исторических наук В.П. Даркевич. Третьим оппонентом была М.А. Некрасова – доктор искусствоведения, заведующая отделом Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.

Наука археология изучает все сферы человеческой деятельности, в том числе и религию, и искусство. Многие археологи писали труды, посвященные искусству (*Пиотровский Б.Б.*, 1962; *Окладников А.П.*, 1967; *Артамонов М.И.*, 1968. С. 27–45; Он же, 1973; *Даркевич В.П.*, 1975; *Федоров-Давыдов Г.А.*, 1976; *Формозов А.А.*, 1980 и др.).

Довольно долгое время заведовал сектором античной археологии (как научные подразделения отделы раньше назывались секторами) Института археологии АН СССР доктор искусствоведения В.Д. Блаватский (1899–1980). Он являлся профессором кафедры археологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Так что стремление Г. Курбанова изобразить М. Маммаева не сведущим в археологии является напрасными потугами.

Вернемся снова к процитированному выше тексту Г. Курбанова, где он пишет о том, что я переписал «написанную кем-то газетную статью», и о том, что «собственные умозаключения такого рода исследователям противопоказаны». Если эта не беспардонная ложь и не огульные обвинения в плагиате, направленные на то, чтобы оболгать меня, и что на самом деле я переписал «написанную кем-то» газетную статью, то он должен был назвать эту статью, ее автора, указать, в какой газете она опубликована и в какой моей работе она переписана. Что касается собственных умозаключений, что же, давайте разберемся, кому на самом деле они противопоказаны.

В сборнике статей «Художественная культура средневекового Дагестана», изданном Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ныне Институт ИАЭ ДНЦ РАН) в 1987 г., имеется моя статья «О влиянии ислама на средневековое изобразительное творчество народов Дагестана» (*Маммаев М.М.*, 1987б. С. 101–127). Из этой статьи (С. 105) М. Курбановым и Г. Курбановым переписан целый абзац без всяких ссылок на нее в их совместной книге «Религии народов Дагестана. История и современность» (*Курбанов М.Р.*, *Курбанов Г.М.*, 2001. С. 151). Чтобы читатель

убедился в этом, приведу сначала цитату из моей статьи (изданной в 1987 г.), а потом цитату из книги М. и Г. Курбановых «Религии народов Дагестана» (изданной в 2001 г.).

М. Маммаев: «Известно, что великолепные памятники мусульманской архитектуры – мечети, минареты, мавзолеи шейхов и других святых строили лучшие профессиональные мастера – зодчие. Детали этих памятников – двери, порталы, стены, окна, михрабы и т.д. украшали великолепной орнаментальной резьбой и художественно оформленными надписями знаменитые резчики по стуку, камню и дереву, достигшие высокого профессионального совершенства в своем мастерстве» (Маммаев М.М., 1987б. С. 105).

М. Курбанов, Г. Курбанов: «Известно, что великолепные памятники мусульманской архитектуры – мечети, минареты, мавзолеи шейхов и святых строили лучшие орнаменталисты, профессиональные дагестанские мастера – зодчие. Части, детали этих архитектурных памятников – двери, порталы, окна, стены, михрабы украшали великолепной орнаментальной резьбой и художественно оформленными надписями знаменитые резчики по стеклу (– Авт.), камню и дереву, достигшие высокого мастерства, совершенства в своем искусстве» (Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001. С. 151).

От того, что при переписывании чужого текста М. и Г. Курбановы изменили 2–3 слова, суть не меняется. Непонятное им слово «стук» заменили словом «стекло» и искажили содержание написанного. Стук – распространенное в зарубежной и отечественной литературе по искусству название резного гипса или алебаstra (Дебилов П.М., 1966. С. 14–35; Каптерева Т.П., Виноградова Н.А., 1989. С. 23, 25–26, 30, 32). В искусствоведческой литературе встречается и другой термин – «штук» (Архаров И., Ремпель Л., 1971). Резчиков же по стеклу (в отличие от резчиков по штуку или по камню) в средневековом Дагестане не было!

Проявив, так сказать, «творческий подход» при переписывании текста, М. и Г. Курбановы слово «мастерство» заменили словом «искусство».

Так кто у кого переписывает и кому противопоставлены собственные умозаключения?

Приведем еще один пример (хотя можно было и больше), чтобы более полно прояснить этот вопрос.

В моей статье «О некоторых мифологических и фольклорных образах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана», опубликованной в сборнике статей «Проблемы мифологии и верований народов Дагестана» (Маммаев М.М., 1988. С. 97–111), я подробно описываю образ единорога в средневековом искусстве Дагестана, выясняю его происхождение и особенности иконографии. В книге «Религии народов Дагестана» (с. 43) М. и Г. Курбановы из этой статьи без всяких ссылок переписали два абзаца на с. 102. И здесь проявив «творческий подход», из двух абзацев сделали один, пропустив три предложения. Приведу цитаты из моей статьи (изданной в 1988 г.) и из книги М. и Г. Курбановых (изданной в 2001 г.) для сравнения. Пропущенные ими предложения я тоже опускаю.

М. Маммаев: «Следует отметить, что образ единорога и связанные с ним мифы сложились еще на Древнем Востоке. ... Изображения мифического единорога украшают ворота богини Иштар в Вавилоне (VI в. до н.э.) (здесь у меня дается ссылка: Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н., 1976. С. 148–150. Илл. 101–102). На огромных каменных рельефах Персепольского дворца конца VI – нач. V в. до н.э. по обеим сторонам центральной лестницы, ведущей в ападану (зал аудиенций), львы, встав на задние лапы, терзают единорогов... (здесь я делаю ссылку: Там же. С. 182–190. Илл. 121; Уильбер Д., 1977. С. 49, 68; Луконин В.Г., 1977. С. 68). Аналогичная сцена терзания отчеканена на серебряном ахеменидском блюде (V в. до н.э.) (ссылка: Лелеков Л.А., 1978. С. 52. Рис. 23). Рельефными изображениями единорогов, выполненными красочными монохромными изразцами, отделан дворец царя Артаксеркса II в Сузах (IV в. до н.э.)»

(ссылка: *Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н., 1976. С. 192. Илл. 127*) (*Маммаев М.М., 1988. С. 102*).

М. Курбанов, Г. Курбанов: «Образ единорога и связанные с ним мифы сложились на Древнем Востоке. Изображения мифического единорога украшают ворота богини Иштар в Вавилоне (XV в. до н.э.) На огромных каменных рельефах Персепольского дворца (V в. до н.э.) по обеим сторонам центральной лестницы, ведущей в апандану (зал аудиенций), львы, встав на задние лапы, терзают единорогов (здесь, как и у меня, дана ссылка: *Луконин В.Г., 1977. С. 68*. А первые две работы пропущены). Аналогичная сцена терзания отчеканена на серебряном ахеменидском блюде (V в. до н.э.) (ссылка, как и у меня: *Лелеков Л.А., 1978. С. 52. Рис. 23*. В написании инициалов Лелекова допущена ошибка, вместо буквы «А» у Курбановых написано «Н»). Рельефными изображениями единорога, выполненными красочными монохромными изразцами, отделан дворец царя Артаксеркса II в Сузах (IV в. до н.э.) (ссылка: *Афанасьев В., Луконин В., Померанцев Н., 1976. С. 192. Илл. 127*)» (*Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001. С. 43*).

При переписывании моего текста авторы допустили ошибки: ворота богини Иштар они датируют XV в. до н.э. На самом деле они относятся к 580 г. до н.э., то есть к VI в. до н.э. А фамилии Вероники Константиновны Афанасьевой и Натальи Алексеевны Померанцевой написали в мужском роде.

Сопоставление приведенных выше цитат из моих статей и работы М. и Г. Курбановых показывает, что они действительно переписали из моих работ эти цитаты без всяких ссылок на них. И после всего этого Г. Курбанов обвиняет меня в плагиате и разглагольствует о «собственных умозаключениях».

В моей статье «О зороастризме в средневековом Дагестане» (*Маммаев М.М., 2005а. С. 221*) я пишу о том, что образ фантастического животного единорога в средневековом искусстве Дагестана, кроме как в моих работах, никем не рассматривается, даже название «единорог» не встречается. А изображение единорога в сцене борьбы льва и единорога, высеченной на оконном тимпане из с. Кубачи, искусствовед Э.В. Кильчевская рассматривала как лань (*Кильчевская Э.В., 1968. С. 102. Рис. 52*). На той же странице я отмечаю, что все сведения об изображении единорога в средневековом искусстве Дагестана и Востока, приводимые в книге «Религии народов Дагестана», М и Г. Курбановы заимствовали из этой статьи без всяких ссылок на нее. В статье же «О зороастризме в Кавказской Албании» Г. Курбанов пишет, что только М.М. Маммаеву «ведомы отличия единорога от лани. Самомнение иногда мутит разум» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 5б*). Здесь тему разговора он переводит в совершенно другое русло. Я не упрекаю его в том, что он не может отличить изображение лани от единорога, а указываю на то, что он без ссылок переписывает из моей работы целый абзац с теми же ссылками на литературу, которую я привожу в примечаниях. Если у него не «замутненный», а «чистый», «прозрачный разум», почему же он не соблюдает самые элементарные, общепринятые нормы научной этики?

В указанной статье Г. Курбанов по поводу понятий «язычество», «языческие верования» и «языческие культы» пишет, что «скептикам, полагающим, что в указанный период (какой именно, автор конкретно не указывает; исходя из контекста, можно полагать, что речь идет о III–V вв. н.э. – Авт.) дагестанцы были язычниками, хотим подчеркнуть, что современное религиоведение не использует термин «язычество». Этот термин церковный и отношения к науке не имеет. Это не нужно объяснять даже студентам. Кроме того, в описываемый период на Восточном Кавказе не могло быть «языческих культов...» Религиоведам от искусства, таким как М. Маммаев, следует осознать, что исторически существовали конкретные религии, а не «религии вообще» или «язычество» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 53*).

Ну как тут не восхищаться блестящей эрудицией и широчайшим научным кругозором доктора философских наук. Просто гениально! Знать такие тонкости по истории религии ведь не каждому дано.

И все же обратимся к фактам. Можно привести многочисленные примеры, подтверждающие, что термин «язычество» имеет самое непосредственное отношение к науке, что им пользуются в своих трудах и археологи, и историки, и этнографы, и искусствоведы, и фольклористы и религиоведы.

У академика Б.А. Рыбакова (1908–2001), выдающегося отечественного археолога и историка, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, одна монография называется «Язычество древних славян» (*Рыбаков Б.А.*, 1981), другая монография – «Язычество Древней Руси» (*Рыбаков Б.А.*, 1987). В этих фундаментальных трудах представлены такие понятия, как «языческое мировоззрение», «языческие верования», «языческие символы», «языческое содержание вышивок», «языческие обряды и празднества» и т.д. Труды эти и подобные им Г. Курбанов, очевидно, никогда в руках не держал и в глаза не видел. Иначе он не стал бы так поучать М. Маммаева с таким апломбом, таким видом знатока, так категорично заявляя, что «термин «язычество» никакого отношения к науке не имеет».

У дагестанского этнографа А.Г. Булатовой (1937–1999), доктора исторических наук, в книге «Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века» имеются такие названия: «местные языческие представления», «языческий земледельческий культ», «языческий ритуал» (*Булатова А.Г.*, 1988. С. 18, 82, 190).

У искусствоведа Л.А. Лелекова в работе «Искусство Древней Руси и Восток» встречаются понятия: «языческие верования», «славянское язычество», «языческий ритуал», «древнерусское язычество» (*Лелеков Л.А.*, 1978. С. 28, 32, 150).

У известного дагестанского фольклориста, доктора филологических наук, проф. Х.М. Халилова в статье с названием «Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев» имеется немало терминов, связанных с язычеством: «отголоски языческих представлений лакцев», «праздничные обряды языческого календаря», «языческие времена», «отголоски язычества», «обращение к языческому богу», «языческий пантеон», «языческий обряд», «языческие персонажи» (*Халилов Х.М.*, 1984. С. 63, 72–74, 79–81).

В первом томе «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней» на с. 84 археолог проф. М.Г. Гаджиев пишет о «языческих представлениях» у дагестанских племен (История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. 2004). А доктор исторических наук, проф., религиовед (исламовед), кавказовед и крупнейший отечественный востоковед А.Р. Шихсаидов на с. 189 той же «Истории Дагестана» пишет о том, что в X–XI вв. «часть населения Дагестана оставалась «верной» языческим религиозным представлениям».

Этот же автор на с. 254 той же «Истории Дагестана» пишет о «языческих религиозных представлениях», «языческих верованиях и обрядах», «языческих культах» в средневековом Дагестане (X–XVI вв.), а на с. 257 пишет о «языческом пантеоне» и т.д.

Упомяну еще одно из последних изданий по религиоведению (Ислам классический: Энциклопедия. 2005). На суперобложке этой книги под ее названием имеется надпись: «Арабское язычество. Коран, исламское мировоззрение...». Немало понятий, связанных с язычеством, встречается и в тексте книги.

Наконец, обратимся к работам самих М. и Г. Курбановых, т.е. буду «кивать» на них, сохраняя при этом здесь и далее стиль их изложения. Г. Курбанов в статье «Зороастризм в Дагестане» (*Курбанов Г.М.*, 1995. С. 3) пишет, что «всемирно известные кубачинские барельефы, а их, по подсчетам А.И. Иванова (в инициалах допущена ошибка – вместо буквы «И» должна быть буква «А». – Авт.), более 500, по преданию, украшали

древний языческий храм» (такое предание в действительности не существует, никто его не зафиксировал, мнение это неверное. – Авт.). В книге «Зороастризм в средневековом Дагестане» Г. Курбанов на с. 46–47 пишет о «языческих культах», о «язычестве», о «язычниках», о «языческом сознании». Прочитируем одно предложение из этой книги: «В целом зороастризм сыграл большую роль в процессе эволюции верований от племенных и местных языческих культов к общегосударственным имперским культам...» (Курбанов Г.М., 1998. С. 160).

В книге «Религии народов Дагестана» авторы пишут: «В Дагестане сохранилось множество средневековых резных камней, ... когда-то украшавших зороастрийские храмы огня. ... По преданию, многие из них украшали древний языческий храм» (Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001. С. 42).

Как видно из приведенных выше довольно многочисленных примеров, термин «язычество» широко применяется в научной литературе учеными самых разных специальностей. Этим же термином пользуются в своих работах и сами М. и Г. Курбановы. А то, что Г. Курбанов в журнале «Народы Дагестана» пишет, что термин «язычество» отношения к науке не имеет – мнение это ошибочное. Он забыл, что сам пользовался этим термином в газетной статье о зороастризме в Дагестане и в названных выше книгах. Память изменяет ему. Если это «не научный термин», то почему же главный редактор журнала «Народы Дагестана» (2005. № 6) допустил публикацию на его страницах статьи кандидата исторических наук Р.И. Сефербекова под названием «Языческие боги и демоны хунзахских аварцев» (Сефербеков Р.И., 2005. С. 49–52).

Относительно высказываний Г. Курбанова о том, что в средние века в Дагестане не было никаких языческих верований и что «парадокс заключается в непонимании некоторыми историками-искусствоведами характера эволюции религии», следует сказать, что они представляют собой обыкновенные демагогические рассуждения дилетанта, претендующего на то, чтобы быть единственным знатоком «характера эволюции религии» в Дагестане.

Как и в своих предыдущих работах, в статье «О зороастризме в Кавказской Албании» Г. Курбанов упорно старается доказать, что погребальные конструкции в виде каменных ящиков, датируемых им V–VII вв., «как наиболее распространенный тип погребальных сооружений в Дагестане», связаны с зороастризмом (Курбанов Г.М., 2005 С. 55). При этом он ссылается на Е.И. Козубского, которому, по мнению Г. Курбанова, принадлежит «первое описание зороастрийских могильников в Дагестане». Продолжая далее, Г. Курбанов пишет, что «в книге «История города Дербента», изданной в 1906 году, он (Е.И. Козубский. – Авт.) описывает несколько зороастрийских погребений, обнаруженных недалеко от г. Дербента» (Курбанов Г.М., 2005. С. 55). Здесь Г. Курбанов опять допускает ошибки, считая, что Е.И. Козубский первым описал «зороастрийские могильники в Дагестане». Еще до Е.И. Козубского курганными могильниками близ г. Дербента интересовался известный русский археолог граф А.С. Уваров (1825–1884), который посетил Дагестан накануне V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. Е.И. Козубский в «Истории города Дербента» на с. 9 ссылается на А.С. Уварова и пишет, что «остроумное и изящное исследование графа А.С. Уварова вводит нас в древнейший период истории местности нашего города и указывает на древность иранского влияния» (Козубский Е.И., 1906. С. 9).

В курганах, раскопанных А. Русовым (Русов А.А., 1882. С. 503–621) и Н. Цилоссани (Цилоссани Н.О., 1882. С. 456–473) близ г. Дербента, А.С. Уваров выявил обряд погребения «с расчленением» (Уваров А.С., 1887. С. 61–75) и напрямую связал его с зороастризмом (Мунчаев Р.М., 1959. С. 11). Для подтверждения своего вывода о том, что подкурганные погребения близ г. Дербента, датируемые им серединой I тыс. до н.э., совершены по зороастрийскому обряду и для доказательства того, что в то время в Да-

гестане получил распространение зороастризм, А.С. Уваров обратился к сведениям, касающимся с. Кубачи. Он приводит легенду, согласно которой когда-то кубачинцы «были вызваны из Рума как опытные оружейники каким-то владельцем южной приморской части Дагестана и поселены были близ самого Дербента». Рассказывая далее о кубачинцах, он отмечает, что у них «однажды потерялся бык, которого потом нашли на том месте, где теперь стоит их аул. Так как подобная находка быка повторилась трижды, то Кубачи поняли это как указание, сделанное им с небес и переселились на предназначенное место. Этот бык, – отмечает А.С. Уваров, – считающий Кубачами небесным предзнаменованием, напоминает о первобытном быке, от которого, согласно учению Заратуштры, произошли все плоды земные. Следовательно, – заключает А.С. Уваров, – Кубачи придерживались маздеизма» (*Уваров А.С.*, 1887. С. 73). В подтверждение сказанного А.С. Уваров ссылается на находящееся в с. Кубачи двухъярусное каменное строение, внутренние и внешние стены которого «покрыты обронными (рельефными. – Авт.) изображениями людей, всадников, хищных зверей, птиц, драконов, змей и пр., ... сделанных под непосредственным влиянием Персии» (*Уваров А.С.*, 1887. С. 73). А.С. Уваров приводит также сведения ал-Гарнати и ал-Казвини, писавших о зороастрийском погребальном ритуале кубачинцев, по-своему изменивших, как он отмечает, «первоначальный обряд по закону Заратуштры» (*Уваров А.С.*, 1887. С. 74).

Как отмечает известный российский археолог, член-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаев, основные положения работы А.С. Уварова «Курганы с расчленением близ г. Дербента», доложенные на V археологическом съезде, были приняты рядом исследователей (*Мунчаев Р.М.*, 1959. С. 11), а впоследствии вошли в сводные археологические курсы (*Городцов В.А.*, 1910. С. 339). Детально исследовав вторичные захоронения, выявленные в Дагестане и на Кавказе в памятниках II тыс. до н.э., Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов пришли к заключению, что «стремление связать появление обряда вторичных захоронений в расчлененном состоянии на Кавказе с распространением здесь маздеизма, как это пытался сделать А.С. Уваров, не выдерживает никакой критики» (*Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.*, 1958. С. 161). Интерпретация А.С. Уваровым некоторых погребений Паласа-сыртского могильника IV–V вв., исследованного Н.О. Цилюссани, как погребений с расчленением (*Уваров А.С.*, 1887. С. 71) также не соответствует действительности. Как показали новые исследования этого могильника, проведенные Л.Б. Гмырей, за таковые были приняты ограбленные и поэтому не имеющие анатомического порядка погребения (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 44–133, 153–198).

Из изложенного становится ясным, что Е.И. Козубскому не принадлежит первое «описание зороастрийских могильников в Дагестане», как это утверждает Г. Курбанов. Если А.С. Уваров неверно интерпретировал подкурганные погребения, исследованные близ г. Дербента в 80-х годах XIX в., связывая их с зороастризмом, а Е.И. Козубский в «Истории города Дербента», основываясь на мнении А.С. Уварова, тоже рассматривал эти погребения как зороастрийские, то выходит, что и Е.И. Козубский, вслед за ним и Г. Курбанов неверно истолковывают их.

И А.С. Уваров и Е.И. Козубский погребения близ города Дербента, выявленные раскопками А. Русова и Н. Цилюссани, датируют серединой I тыс. до н.э. (*Козубский Е.И.*, 1906. С. 8–9). А Г. Курбанов же, касаясь вопроса обнаружения недалеко от Дербента «зороастрийских могильников», пишет: «Вполне вероятно, что это связано с усилением здесь роли сасанидской религии» (*Курбанов Г.М.*, 2005. С. 55). Но о каких Сасанидах может идти речь в середине I тыс. до н.э., если они правили в Иране в 227–651 гг.?

В газетной статье «Зороастризм в Дагестане» Г. Курбанов пишет, что «именно в Кубачах находился зороастрийский центр Дагестана» (*Курбанов Г.М.*, 1995. С. 3). Почти то же самое пишут М. и Г. Курбановы и в книге «Религии народов Дагестана»: «Именно в Кубачах находился один из зороастрийских центров Дагестана» (*Курбанов*

М.Р., Курбанов Г.М., 2001. С. 43). А в статье «О зороастризме в Кавказской Албании» Г. Курбанов пишет: «Тут я хочу вернуться к моему незадачливому оппоненту. Пытаясь доказать, что зороастризм в Дагестане не имел достаточного влияния, он в то же время описывает Кубачи как центр зороастризма наравне с Дербентом. Однако это вовсе не означает, что зороастрийская религия наибольшее распространение получила в Зирихгеране» (*Курбанов Г.М., 2005. С. 55).*

В моей статье «О зороастризме в средневековом Дагестане» нет выражения «зороастрийский центр» ни в отношении с. Кубачи, ни в отношении Зирихгерана. Оно принадлежит самому Г. Курбанову. В своей статье я пишу, что «зороастризм в средневековом Дагестане в наибольшей степени распространился в с. Кубачи и в крупнейшем опорном пункте сасанидского Ирана – в г. Дербенте, гарнизон и административно-чиновничий аппарат которого состоял из персов» (*Маммаев М.М., 2005а. С. 220).* А то, что написано в газетной статье и в книге «Религии народов Дагестана», явно противоречит тому, что сказано в последнем предложении процитированного абзаца из статьи «О зороастризме в Кавказской Албании», Г. Курбанов этого не замечает. Очевидно, он забыл о том, что написал раньше в своей журнальной статье. В то же время он пытается уличить меня в том, что я противоречу самому себе.

В статье «О зороастризме в средневековом Дагестане» я критиковал взгляды М. и Г. Курбановых относительно интерпретации ими средневековых кубачинских каменных рельефов и бронзовых котлов. Теперь же Г. Курбанов меняет свои взгляды и одновременно поучает меня, да еще с окриком: «Внимательно нужно читать тексты, профессор». Заодно хочет еще изобразить меня не сведущим в вопросах влияния сасанидского искусства на искусство Дагестана. Чтобы показать, к каким уловкам при этом он прибегает, мне придется привести здесь пространную цитату из моей статьи «О зороастризме в средневековом Дагестане».

«Некомпетентными являются рассуждения Г.М. Курбанова о средневековых каменных рельефах XIV–XV вв. из с. Кубачи, якобы «когда-то украшавших зороастрийские храмы огня». Противореча сам себе, автор рассматриваемой статьи тут же, в следующем после приведенной цитаты предложении утверждает, что «всемирно известные кубачинские барельефы, а их, по подсчетам А. Иванова, более 500, по преданию, украшали древний языческий храм. На них изображены львы, олени, кони, птицы, грифоны, олицетворяющие зороастрийских богов». А затем через строку Г.М. Курбанов заявляет, что «каменные барельефы из Кубачей, а также известные резные двери из Калакорейша украшали зороастрийский храм огня». Эти положения повторяются и в книге М.Р. Курбанова и Г.М. Курбанова «Религии народов Дагестана. История и современность» (*Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001. С. 42).*

Читая все это, невольно возникает множество вопросов. Если рельефы (термин «барельеф» не применим ко всем резным камням с. Кубачи) украшали языческий храм, то как же воспроизведенные на них изображения львов, оленей, коней и других животных могли олицетворять зороастрийских богов? Как же согласуются утверждения М.Р. Курбанова и Г.М. Курбанова о принадлежности каменных рельефов зороастрийскому храму огня, когда рядом с изображениями тех же животных, которых они считают олицетворением зороастрийских богов – с изображением льва, кабана, оленя, всадника и т.д., имеются арабские надписи или эпиграфический орнамент, выполненный арабскими буквами? Или же как объяснить тогда то обстоятельство, что на многих рельефах высечены декоративные арабские надписи, художественно и стилистически связанные с арабскими надписями на синхронных им мусульманских надмогильных памятниках?

То, что средневековые кубачинские каменные рельефы не имеют отношения к зороастрийским храмам огня, свидетельствует хотя бы то, что они созданы в XIV–XV вв. (за исключением сравнительно небольшого числа их, относящихся к XIII в.), когда в с.

Кубачи ислам укрепился настолько прочно, что в самом начале XV в. здесь было построено здание мусульманского учебного заведения – медресе, о чем сообщается в арабской надписи, высеченной на каменном рельефе (тимпане) 807 г. хиджры=1404/1405 гг., украшавшем вход в это медресе.

Кстати, на этом же дверном тимпане, на его боковых выступях воспроизведены профильные изображения львов (головы их отбиты позднее изготовления тимпана). По Г. Курбанову выходит, что и эти изображения олицетворяют зороастрийских богов, а сам тимпан украшал зороастрийский храм огня?

В с. Кубачи в полуразрушенном состоянии до сего дня стоит Джума-мечеть, или Большая мечеть (Хала-мишит, как называют ее кубачинцы), в кладке восточной стены которой сохранился рельеф с датой ее строительства в 881 году хиджры=1476/1477 гг. В кладке этой и других стен мечети сохранились в своих первоначальных местах более десяти каменных рельефов с растительным орнаментом и арабскими надписями. Если следовать логике рассуждений Г.М. Курбанова, выходит, что и эти рельефы в числе упомянутых свыше 500 рельефов украшали зороастрийский храм огня? Десятки каменных рельефов с растительным орнаментом и арабскими надписями украшают также стены других квартальных мечетей, сохранившихся в нижней части с. Кубачи (Кякябала мишит, Хьуннала мишит – женская мечеть, Хьацалла кьатла мишит – мечеть самого нижнего квартала). Они тоже связаны с зороастрийским храмом огня?» (*Маммаев М.М.*, 2005а. С. 218–219).

После критики Г. Курбанов меняет, как было сказано, свои позиции. Теперь он не пишет, как в газетной статье «Зороастризм в Дагестане», что «каменные барельефы из Кубачи, а также известные резные двери из Калакорейша украшали зороастрийский храм огня». В статье «О зороастризме в Кавказской Албании» он утверждает, что «в Дагестане сохранилось множество средневековых резных камней, прообразами которых были каменные барельефы, когда-то украшавшие зороастрийские храмы огня. Здесь хочу особо подчеркнуть для М. Мамаева слово «прообразами» (*Курбанов Г.М.*, 2005. С. 55). Но в газетной статье Г. Курбанова слова «прообраз» вообще нет! Кроме того, о каких «прообразах» множества средневековых резных камней Дагестана может идти речь? Если такие «прообразы» на самом деле были и украшали когда-то зороастрийский храм огня, то где они, куда делись, кто их видел, кто их изучал и где они опубликованы? На эти вопросы вряд ли можно получить вразумительный ответ.

Дальнейший ход рассуждений Г. Курбанова после изложения своего «открытия» о прообразах средневековых резных камней рассчитан на то, чтобы снова оболгать и оклеветать М. Мамаева. «Мы считаем, – пишет он, – несмотря на то, что некоторые «искусствоведы», такие, как Маммаев М.М., отрицают влияние сасанидской культуры, каменные рельефы из Кубачи, а также известные резные двери из Кала-Корейша достаточно глубоко впитали в себя влияние сасанидской и маздеистской культуры. Эти, с позволения сказать, искусствоведы, видимо, не помнят историю с коллекцией резных камней из Дагестана, принятой в 40-е годы XX века европейскими исследователями за сасанидскую» (*Курбанов Г.М.*, 2005. С. 55–56).

То, что утверждение Г. Курбанова «некоторые «искусствоведы», такие как Маммаев М.М., отрицают влияние сасанидской культуры» на художественную культуру средневекового Дагестана, является очередной заведомой ложью, подтверждают хотя бы такие данные.

В монографии «Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление» (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 87) я пишу следующее: «Известно, что художественные традиции сасанидского искусства длительное время продолжали бытовать в эпоху средневековья в искусстве различных областей и стран и после завоевания Ирана в сер. VII в. арабами и включения его в состав Арабского халифата. Эти традиции сохрани-

лись и в искусстве Дагестана эпохи средневековья – в резьбе по камню и дереву, в изделиях художественного бронзового литья XIII–XV вв., в стукowych рельефах XI–XII вв. и т.д. Однако воплощенные в произведениях средневекового декоративно-прикладного искусства Дагестана различные сюжеты и образы (лев, барс, дракон, верблюд, вепрь, орел, геральдические композиции, сцены охоты, звериного гона и терзания хищником копытного животного), а также орнаментальные мотивы растительного характера, восходящие к сасанидским прототипам или же к иконографии сасанидского круга, в значительной степени переосмыслены и подвергнуты творческой переработке местными мастерами как со стороны формы, так и со стороны идейного содержания».

В этой же монографии я подробно описываю резные двери калакорейшской мечети. На с. 115 я пишу о том, что «композиция со львами на левой створке (восточных двустворчатых дверей) восходит, вероятно, к сюжетам парных перекрещивающихся львов, воспроизведенных на изделиях восточной торевтики. Такой сюжет представлен, например, на иранском серебряном кувшине VII–VIII вв. н.э., хранящемся в парижской Национальной библиотеке (Кабинет монет и древностей): по сторонам «древа жизни» изображены львы, туловища которых перекрещены». Далее отмечается, что «сюжет сдвоенных львов на калакорейшской двери переработан и видоизменен в местной среде как со стороны формы, так и содержания».

В монографии я подробно рассматриваю костяные накладки седла со сценами охоты, происходящие из Верхнечирюртовского могильника (Маммаев М.М., 1989. С. 136–139), и отмечаю, что «выгравированное на пластине изображение (сцены охоты) композиционно и стилистически очень близко изображениям сцен охоты со стремительно скачущими всадниками и мчащимися дикими зверями – охоты сасанидских царей, воспроизведенных на металлических блюдах и чашах и на скальных рельефах» (Маммаев М.М., 1989. С. 136). Однако «при всей близости к сасанидским образцам, в этих изображениях чувствуется необычайная живость и большая экспрессивность в трактовке сцен охоты и состояния животных. В отличие от сасанидских художников-торевтов, подчеркивающих силу царя и побеждаемых им зверей, в искусстве кочевников прославляется удаль богатырей, полнота жизни и удаль борьбы» (Маммаев М.М., 1989. С. 139).

Незадолго до выхода из печати журнала «Народы Дагестана» (2005 г. № 6) со статьей Г. Курбанова «О зороастризме в Кавказской Албании», в начале ноября 2005 г. в Махачкале были изданы материалы Международной научной конференции «Ирано-дагестанские культурно-исторические связи. История и перспективы развития». Конференция состоялась 10 ноября 2005 г. в городе Дербенте. Отмечу, что журнал «Народы Дагестана» за 2005 г. № 6 подписан к печати 10 декабря 2005 г., а материалы указанной конференции были изданы до начала ее работы 10 ноября 2005 г. Это подтвердят все участники конференции. Среди тезисов докладов, включенных в сборник материалов конференции, в разделе «Культура» представлены тезисы и моего доклада «Влияние художественных традиций Ирана на средневековое искусство Дагестана (XIII–XV вв.)» (Маммаев М.М., 2005б. С. 112–115). Отсылая читателя, желающего ознакомиться с содержанием тезисов моего доклада, к указанным материалам конференции, отмечу, что на основе анализа различных произведений средневекового искусства с. Кубачи и Калакорейша, в том числе и резных деревянных дверей соборной мечети, в тезисах доклада показаны живучесть и длительное сохранение сасанидских художественных традиций в средневековом искусстве Дагестана. Прослежена также длительность тесных связей искусства Дагестана и Ирана на протяжении многих веков.

Как видно из приведенных данных, М. Маммаев вовсе не отрицает, как это утверждает Г. Курбанов, влияние сасанидской культуры на художественную культуру средневекового Дагестана.

По поводу другого лживого утверждения Г. Курбанова, что М. Маммаев «не помнит историю с коллекцией резных камней из Дагестана, принятой в 40-е годы XX века европейскими исследователями за сасанидскую» (*Курбанов Г.М.*, 2005. С. 55–56), надо сказать следующее. Во-первых, коллекция дагестанских резных камней европейскими исследователями была принята за сасанидскую не в 40-е годы XX в., как пишет Г. Курбанов, а в самом начале 30-х годов XX в. Во-вторых, сведения, касающиеся этого вопроса, Г. Курбанов заимствовал из моей статьи «Вопросы художественной культуры Дагестана в трудах академика И.А. Орбели», опубликованной в сборнике статей «Художественная культура средневекового Дагестана» (*Маммаев М.М.*, 1987а. С. 19–35), и включил в свою книгу (конечно, без ссылок) «Зороастризм в средневековом Дагестане» (*Курбанов Г.М.*, 1998. С. 62). Чтобы убедиться в этом, приведу выдержки из моей статьи, опубликованной в 1987 г., и из книги Г. Курбанова, изданной в 1998 г.

М. Маммаев: «По возвращении в Ленинград (из поездки в Дагестан) И.А. Орбели сосредоточивает внимание на углубленном изучении «сасанидских» памятников эрмитажного собрания, которые должны были экспонироваться на крупной выставке в Лондоне, приуроченной ко II Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии, созванному в 1931 г. И.А. Орбели являлся членом оргкомитета конгресса. Он проделал большую работу по отбору памятников для выставки. Экспонаты из советских музеев, преимущественно золотые, серебряные и бронзовые изделия, среди которых были и изделия, происходящие из Дагестана, привлекли всеобщее внимание и значительно обогатили выставку, развернутую в залах Академии художеств, в Бэрлингтонском дворце.

На лондонской международной выставке были представлены также средневековые кубачинские каменные рельефы – детали архитектурного декора из заграничных частных собраний (Д.К. Келекиана, Париж), но экспонировались они не как дагестанские памятники, а в качестве памятников сасанидского искусства. В каталоге выставки эти рельефы также числятся как «сасанидские рельефы». Западным исследователям казалось тогда бесспорным, что эти памятники высокого художественного достоинства созданы не дагестанскими мастерами, творившими в средневековое время, а в Иране, в эпоху Сасанидов. И.А. Орбели стоило больших усилий доказать исследователям, что эти каменные рельефы дагестанского происхождения и созданы они спустя многие века после падения сасанидской династии» (*Маммаев М.М.*, 1987а. С. 21–22).

Г. Курбанов: «...задумаемся над следующими примерами. Многих усилий стоило академику И.А. Орбели в 30-е годы доказать, что некоторые детали декора средневековых храмов, экспонировавшихся на международной выставке сасанидского искусства в Берменгтонском дворце Лондона в 1931 году, происходят из Дагестана» (*Курбанов Г.М.*, 1998. С. 62).

Конечно, Г. Курбанов на этот раз буквально не переписал из моей статьи все то, что касается экспонировавшихся на лондонской выставке кубачинских каменных рельефов, а заимствовал общие сведения о них, «творчески переработав» и изложив их в одном предложении (допустив при этом ошибку в написании названия Бэрлингтонского дворца). Это подтверждает стиль изложения. Я же привел довольно большую цитату из своей статьи, чтобы читатель понял, о чем, собственно, идет речь.

В тезисах доклада, опубликованных в сборнике «Ирано-дагестанские культурно-исторические связи. История и перспективы развития», я пишу: «А средневековые (XIV–XV вв.) кубачинские каменные рельефы – детали архитектурного декора из коллекции Д.К. Келекиана (Париж) на выставке, приуроченной к Второму международному конгрессу по иранскому искусству, проходившему в 1931 г. в Лондоне в залах Бэрлингтонского дворца, экспонировались как памятники сасанидского искусства» (*Маммаев М.М.*, 2005б. С. 113).

Не помнит ли М. Маммаев, забыл ли он «историю с коллекцией резных камней из Дагестана» или же на самом деле запечатлел сам Г. Курбанов, откуда он заимствовал сведения об экспонировавшихся в 1931 г. на Международной выставке в Лондоне кубачинских каменных рельефах, пусть рассудит читатель.

В моей статье «О зороастризме в средневековом Дагестане», в той ее части, где критикую мнение Г. Курбанова о принадлежности средневековых кубачинских каменных рельефов к конкретным архитектурным сооружениям, я затрагиваю вопросы датировки этих рельефов. При этом отмечаю, что М. и Г. Курбановы в книге «Религии народов Дагестана» кубачинский рельеф (оконный тимпан) XIV в. с изображением борьбы льва и единорога неверно датируют XI в., а само это изображение ошибочно связывают с зороастризмом (Маммаев М.М., 2005а. С. 220). В ответ на это Г. Курбанов в статье «О зороастризме в Кавказской Албании» пишет: «К сведению, наш оппонент М. Маммаев, видимо, используя одному ему ведомые методы, уже точно датирует средневековые камни...» (Курбанов Г.М., 2005. С. 56).

Методы атрибуции и датировки произведений искусства – живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и др. искусствоведам (не только мне) хорошо известны. Это методы анализа стиля и техники выполнения произведения, сравнительный анализ, комплексные методы и другие, вплоть до естественно-научных методов и рентгенографии. А если на произведении скульптуры – а каменные рельефы – это один из видов скульптуры – имеются надписи и орнамент, то для датировки его (если на нем нет даты) используют методы палеографического анализа надписей и стилистического анализа орнамента. Вопросам датировки средневековых кубачинских каменных рельефов и бронзовых котлов посвящена специальная статья А.А. Иванова (Иванов А.А., 1976. С. 164–197). Чтобы выяснить, какими методами при этом он пользовался, Г. Курбанову не помешало бы прочесть эту статью.

Я в своей статье привожу дату мусульманского летосчисления, высеченную на рельефе, вставленном в кладку восточной стены Джума-мечети (Большой мечети) в нижнем квартале старой части пос. Кубачи (Маммаев М.М., 2005а. С. 218). Если на этом рельефе написано по-арабски, что мечеть возведена в 881 году хиджры, что соответствует 1476/1477 гг. нашего летосчисления, то трудно ли точно датировать те более 10 рельефов, которые сохранились до настоящего времени в своих первоначальных местах в кладке аркады мечети и других участках стен мечети? Для их точной датировки и не нужно применять какие-то особые, как выражается Г. Курбанов, «одному М. Маммаеву ведомые методы».

Если на дверном тимпане с растительным орнаментом и арабскими надписями о строительстве в с. Кубачи в 807 г. хиджры, то есть в 1404/1405 гг., мусульманского учебного заведения – медресе имеется точная дата, то для чего применять какие-то «одному М. Маммаеву известные методы» его датировки? Разве и так не ясно, что тимпан этот датируется самым началом XV в.?

А вот почему М. и Г. Курбановы в книге «Религии народов Дагестана» тимпан XIV в. из Кубачи со сценой борьбы льва и единорога датируют XI веком (Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001. С. 43), какими методами при этом они пользовались, вряд ли они могут ответить. Как уже отмечали, ошибочно датируют эти авторы и ворота богини Иштар в Вавилоне, украшенные красочным изображением единорога. Если ворота эти на самом деле были сооружены в 580 г. до н.э. (Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н., 1976. С. 148–149, 152. Рис. 101–102, 104), то как их можно датировать XV в. до н.э.?

Об этих самых простых, элементарных вещах приходится писать, так как Г. Курбанов выдвигает против меня нелепые обвинения.

В последней журнальной статье Г. Курбанов о средневековых кубачинских бронзовых котлах пишет следующее: «Наше предположение подтверждают и известные

бронзовые котлы, прообразами которых являются чаши для священного и ритуального огня. Именно такие бронзовые котлы (чаши или котлы? – Авт.) с рельефами зороастрийских мифологем (?–М.М.) и ручками в виде ощерившихся барсов найдены в средневековых храмах огня в Иране. Повторяю для М. Маммаева, прообразами кубачинских котлов могли быть ритуальные зороастрийские котлы» (*Курбанов Г.М.*, 2005. С. 56).

Утверждения эти голословные, неверные и бездоказательные. Голословные потому, что в статье не указывается конкретно, где именно найдены эти «прообразы» кубачинских котлов – то ли «чаши для священного и ритуального огня», то ли «ритуальные зороастрийские котлы», кто их изучал, кто описал, где они опубликованы, каким образом они могли оказаться в Кубачах. Чем повторять для М. Маммаева, что «прообразами кубачинских котлов могли быть ритуальные зороастрийские котлы», не лучше ли было бы для убедительности своих суждений привести какие-либо доказательства?

Неверные и потому, что прототипами или прообразами средневековых кубачинских литых бронзовых котлов послужили вовсе не зороастрийские «чаши для священного и ритуального огня», а мусульманские котлы (*Шихсаидов А.Р.*, 1984. С. 431–432).

Поскольку Г. Курбанов поучает М. Маммаева, что «внимательно нужно читать тексты, профессор», процитирую его газетную статью «Зороастризм в Дагестане», где черным по белому написано: «Наше предположение подтверждают и известные кубачинские бронзовые котлы, представляющие собой чаши для священного ритуального огня» (подчеркнуто мной. – Авт.).

По поводу этого утверждения я в статье «О зороастризме в средневековом Дагестане» (*Маммаев М.М.*, 2005а. С. 219) отмечаю, что «нельзя согласиться также с мнением Г.М. Курбанова о том, что «известные кубачинские бронзовые котлы представляют собой чаши для священного ритуального огня» зороастрийцев, хотя бы потому, что на бортиках многих котлов так называемого открытого типа имеются арабские надписи с нисбой изготовивших их мастеров. А на одном из таких котлов XIV в., хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже, помимо арабской надписи, имеется еще парное рельефное изображение грифонов (здесь ссылка: *Иванов А.А.*, 1977. С. 54–55; *Искусство Кубачи*, 1976. Илл. 36–38), аналогичных изображениям грифонов на каменных рельефах того же времени, рассматриваемых Г.М. Курбановым как олицетворение «зороастрийских богов». После моей критики у Г. Курбанова уже другое мнение о котлах (как и о каменных рельефах). Теперь кубачинские бронзовые котлы он не рассматривает как зороастрийские «чаши для священного ритуального огня», а пишет о «прообразах» для этих котлов.

Вопросы, касающиеся средневековых кубачинских литых бронзовых котлов – с какого времени начали их изготавливать в с. Кубачи, какие именно котлы послужили им прототипами, расшифровка представленных на бортиках котлов арабских надписей, техника литья самих котлов и т.д., – достаточно подробно освещены в историко-этнографической и искусствоведческой литературе (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 66–73; *Шихсаидов А.Р.*, 1975. С. 51–53; Он же, 1984. С. 427–434; *Иванов А.А.*, 1976. С. 180–182; *Маммаев М.М.*, 1989. С. 48–50). Поэтому отпадает необходимость подробно рассматривать их здесь.

В своих инсинуациях Г. Курбанов настолько вошел в раж, что оскорбляет даже память выдающегося отечественного кавказоведа и востоковеда, члена-корреспондента АН СССР Камиллы Васильевны Тревер (1892–1974) в связи с тем, что я сослался на ее мнение о степени распространения зороастризма в Кавказской Албании. Он пишет, что «завершая, хочется отметить, что мы сможем привести бесчисленное количество аргументов в защиту нашего положения о том, что зороастризм имел в Кавказской Албании серьезное влияние, независимо от того, нравится это кому-то или нет (а кому это не

нравится? – Авт.). Тут не поможет даже кивание на апологетические утверждения К. Тревер» (*Курбанов Г.М.*, 2005. С. 56).

Камилла Васильевна – автор многочисленных работ по античной истории, культуре; по археологии, истории и искусству Кавказа, Средней Азии, Ирана, в том числе фундаментального труда «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании» (*Тревер К.В.*, 1959). Ею написана серия работ совместно с акад. И.А. Орбели и доктором исторических наук В.Г. Лукониным, посвященных культуре и искусству сасанидского Ирана (*Орбели И.А., Тревер К.В.*, 1935; *Тревер К.В., Луконин В.Г.*, 1987 и др.).

В 1935 г. она была ученым секретарем III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Столь же большое участие принимала Камила Васильевна и в проведении 1000-летнего юбилея Фирдоуси (1934), 750-летия Руставели (1938), 1000-летия армянского эпоса «Давид Сосунский» (1939). Она была награждена орденом Ленина, орденом «Знак Почета», иранским орденом «За научные заслуги» (*Иерусалимская А., Луконин В.*, 1976. С. 91).

Оскорблять память женщины, крупного ученого, внесшей огромный вклад в изучение истории и культуры Кавказской Албании, в том числе и Дагестана, – занятие, недостойное мужчины. Была бы жива Камила Васильевна, она как подобает ответила бы Г. Курбанову, как ответила в свое время А.С. Башкирову за его выпад в ее адрес и в адрес акад. И.А. Орбели, написав рецензию «Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья (о книге А.С. Башкирова «Искусство Дагестана». М., 1931)» (*Тревер К.В.*, 1932. С. 27–37). Само название рецензии говорит о том, какую оценку дала К.В. Тревер работе проф. А.С. Башкирова.

Выше мы указали на многочисленные ошибки, допущенные Г. Курбановым при написании своей статьи «О зороастризме в Кавказской Албании» и в его предыдущих работах. Отмечу также, что помимо фактических в них имеется немало и редакционно-стилистических неточностей и ошибок. Разбор их займет много места, поэтому приведу лишь два примера из последней статьи. Пример 1: на с. 54–55 написано следующее: «М. Маммаев пишет (где именно, не указывает. – Авт.), что мы пытаемся доказать наличие отношения к зороастризму погребальных сооружений в виде каменных ящиков и склепов на территории Дагестана. Закостенелая логика мышления моего оппонента, видимо, не позволяет ему размышлять над новыми версиями. Легче использовать для всего неопределенного еще более неопределенное «язычество». Археологи не могут нам указать на какую-либо религиозную систему, хотя надо признают, что солнечные культы и использование каменных ящиков характерно для многих древних верований».

Своих ошибок Г. Курбанов не замечает, он не может их видеть, а пишет о «закостенелой логике мышления» М. Маммаева. А есть ли вообще элементарная логика в этих рассуждениях? Может ли читатель понять, что хочет сказать автор в приведенной цитате?

Пример 2: на с. 55 отмечается, что «другая линия раннесредневековой архитектуры (? – Авт.) – украшение храмов художественной резьбой и рельефами, где местные сюжеты органически вплетаются в мифологию, дополняя ту картину, которую рисовал зороастризм».

Трудно разобраться в этом бессодержательном наборе слов. Можно ли уловить логически выстроенную мысль в этом абзаце? Что эта за линия раннесредневековой архитектуры? Может ли автор назвать хоть один храм на территории Дагестана, относящийся к раннесредневековому времени, украшенный сюжетными рельефами? Полагаю, что нет.

С редакционно-стилистическими и фактическими ошибками приведенный абзац в качестве второго примера перекочевывает из газетной статьи «Зороастризм в Дагестане» (*Курбанов Г.М.*, 1995) в книгу «Религии народов Дагестана» (*Курбанов М.Р., Курбанов Г.М.*, 2001. С. 42), а оттуда в журнальную статью о «Зороастризме в Кавказской

Албании» (Курбанов Г.М., 2005. С. 55). Ведь у главного редактора журнала «Народы Дагестана» М. Курбанова базовое образование филологическое.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов М.И.*, 1968. Происхождение скифского искусства // СА. №4.
Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. М.
Архаров И., Ремпель Л., 1971. Резной штук Афрасиаба. Ташкент.
Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н., 1976. Малая история искусств: Искусство Древнего Востока. М.
Булатова А.Г., 1988. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.
Гмыря Л.Б., 1993. Прикаспийский Дагестана в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.
Городцов В.А., 1910. Бытовая археология. М.
Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. М.
Дебилов П.М., 1966. Архитектурная резьба Дагестана. М.
Древности Кавказа и Ближнего Востока. 2005. Махачкала.
Иванов А.А., 1976. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / Автор-сост. А.А. Иванов. Л.
Иванов А.А., 1977. Кубачинский бронзовый котел XIV в. // СГЭ. XLII.
Иерусалимская А.А., Луконин В.Г., 1976. (Некролог) К.В. Тревер (1892–1974) // СГЭ. XLI.
Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: История и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции. 2005. Махачкала.
Искусство Кубачи. Альбом / Автор-сост. А.А. Иванов. 1976. Л.
Ислам классический: Энциклопедия / Сост., общая ред. и предисл. К. Королева. 2005. М.
История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 2004. М.
Каптерева Т.П., Виноградова Н.А., 1989. Искусство средневекового Востока. М.
Кильчевская Э.В., 1968. От изобразительности к орнаменту. М.
Козубский Е.И., 1906. История города Дербента. Темир-Хан-Шура.
Курбанов Гарун, 1995. Зороастризм в Дагестане // Дагестанская правда. 21 октября.
Курбанов Г.М., 1998. Зороастризм в средневековом Дагестане: Историко-философские аспекты. Махачкала.
Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 2001. Религии народов Дагестана: История и современность. Махачкала.
Курбанов Г.М., 2005. О зороастризме в Кавказской Албании // Народы Дагестана. Республиканский общественно-политический журнал. № 6.
Лелеков Л.А., 1978. Искусство Древней Руси и Восток. М.
Луконин В.Г., 1977. Искусство древнего Ирана. М.
Маммаев М.М., 1987а. Вопросы художественной культуры Дагестана в трудах академика И.А. Орбели // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала.
Маммаев М.М., 1987б. О влиянии ислама на средневековое изобразительное творчество народов Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала.
Маммаев М.М., 1988. О некоторых мифологических и фольклорных образах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала.
Маммаев М.М., 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала.
Маммаев М.М., 2005а. О зороастризме в средневековом Дагестане // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала.
Маммаев М.М., 2005б. Влияние художественных традиций Ирана на средневековое искусство Дагестана (XIII-XV вв.) // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: История и перспективы развития. Махачкала.
Мунчаев Р.М., 1959. К истории археологического изучения Дагестана // МАД. I. Махачкала.

- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.*, 1958. Археологические памятники близ с. Карабудахкент // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.; Л.
- Окладников А.П.*, 1967. Утро искусства. Л.
- Орбели И.А., Тревер К.В.*, 1935. Сасанидский металл: Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л.
- Пиотровский Б.Б.*, 1962. Искусство Урарту VIII-VI вв. до н.э. Л.
- Русов А.А.*, 1882. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в южном Дагестане // V археологический съезд. Протоколы предварительного комитета. М.
- Рыбаков Б.А.*, 1981. Язычество древних славян. М.
- Рыбаков Б.А.*, 1987. Язычество Древней Руси. М.
- Сефербеков Р.И.*, 2005. Языческие боги и демоны хунзахских аварцев // Народы Дагестана. № 6.
- Тревер К.В.*, 1932. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья (о книге А.С. Башкирова «Искусство Дагестана. М., 1931) // Сообщения ГАИМК. № 1-2.
- Тревер К.В.*, 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.*, 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.
- Уваров А.С.*, 1887. Курганы с расчленением близ г. Дербента // Труды V археологического съезда в Тифлисе. М.
- Уильбер Д.*, 1977. Персеполь: Археологические раскопки резиденции персидских царей. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
- Формозов А.А.*, 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.
- Халилов Х.М.*, 1984. Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. Махачкала.
- Циллосани Н.О.*, 1882. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане в 1880 г. // V археологический съезд. Протоколы предварительного комитета. М.
- Шиллинг Е.М.*, 1949. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л.
- Шихсаидов А.Р.*, 1975. Дагестан в X-XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала.
- Шихсаидов А.Р.*, 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М.

М.М. Маммаев